

Российские вести - 2003 - 19 февр - с. 18.

- Вы давно ничего не снимали. Не было хорошего сценария или какие-то другие причины?

- Процесс выбора всегда затруднителен. Даже во времена советского кино, когда еще работал на студии «Беларусьфильм», когда все было упорядочено и можно было, наверное, снимать картину за картиной, у меня тоже случались перерывы. Тогда казалось, что так и должно быть. Часто поиск и размышления, как и весь творческий процесс, бывают мучительными. Ничего не поделаешь, истинное произведение искусства - это послание к человеку. Ведь фильм увидит множество людей, которым ты должен сказать нечто важное. То, что кроме тебя, никто не скажет.

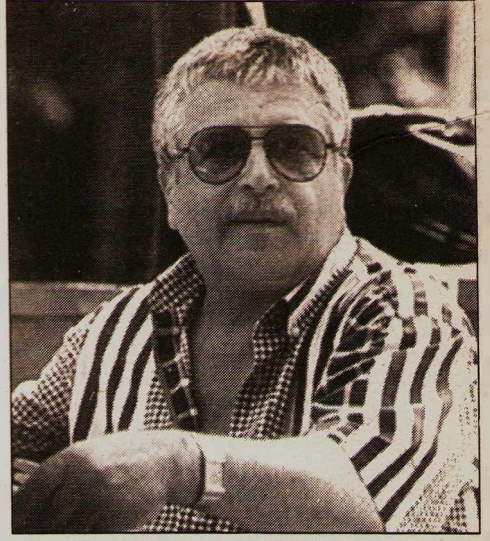
- И это большая ответственность, не так ли?

- Фильм - это поступок. Но, знаете, естественно, и в нашем поколении нет единства

припоминается. Получается, что ваш фильм - вариант тех самых феллиниевских «Восьми с половиной», но на типично российской почве и в нашем историческом контексте.

- «Кино про кино» - скорее эту в чеховском духе. Когда я ввел в этот маленький мирок съемочной группы мечты-видения режиссера о Феллини и Тарковском, меня уговаривали все это убрать. Но я чувствовал, что эти фрагменты из «Восьми с половиной», «Зеркала» и «Ночей Кабири» необходимы. Хотя бы для контраста или ощущения художественного пространства. Ведь кино - особый способ мышления: паутина жизни, пространство кадра, фотографическое начало. Все должно быть выражено пластически и подчинено высшему смыслу.

- Ваши персонажи, понятно, образы собирательные. Как вы подбирали актеров?

СЦЕНЫ ИЗ УЕЗДНОЙ ЖИЗНИ

ВАЛЕРИЙ РУБИНЧИК СНЯЛ ФИЛЬМ О ЗОНЕ КОМПРОМИССОВ

«Кино про кино» - лирическая история о том, как молодой режиссер снимает фильм, а спонсирующий картину бизнесмен поминутно влезает в творческий процесс, как спустя много лет вновь встречаются старые актеры, о том, как складываются отношения внутри маленького мирка съемочной группы. О работе над этой лентой рассказывает режиссер картины Валерий РУБИНЧИК, вживец, призер международных и отечественных фестивалей, создатель фильмов «Венок сонетов», «Дикая охота короля Стаха», «Культпоход в театр», «Комедия о Лиси-страте», «Пейзаж с тремя купальщицами».

взглядов. Оно разнородное... Как ни странно, в прежние времена мы относились как бы высокомерно к кинематографу коммерческому, где была комическая основа, юмор, смех. Мы тогда считали, как у Чехова, то прекрасно, что серьезно. И мы почему-то всегда отдавали предпочтение серьезным, даже, можно сказать, насупленным картинам, преклонялись перед Бергманом, Антониони, Бунюэлем. Хотя и у них были смешные эпизоды. Да и мы радовались, если на наших фильмах кто-то улыбался. Но вот так были тогда повернуты мозги.

- Как началось ваше сотрудничество с Анатолием Гребневым, как вам вместе работало?

- Скорее всего, это было взаимное движение. Мы с Анатолием Гребневым давно хотели вместе сделать картину. Но по разным причинам не получалось. В последнее время сам много раз пытался написать либретто или сценарий про то, как мы живем, общаемся, взаимодействуем. Ведь всем нам когда-то хотелось снять свои «Восьми с половиной». Началось же все с ночного телефонного звонка, вполне в духе Анатолия Борисовича. Он предложил прочитать сценарий. И... мы стали работать. Вообще обычно мы спорили до хрипоты. Ему было 79, а энергия необыкновенная. Приходила какая-нибудь идея, тут же звонил - днем, ночью. Мне почему-то не нравилось название, а он мне: «Изменишь название - не приду на премьеру». Мы спорили даже, когда картину уже показывали на «Кинотавре». А потом теплая волна в прессе после Сочи, Выборга. И Гребнев сам приносил мне ворох газет и говорил: «Ишь, посмотрите, что пишут».

- Из отечественных лент о закулисной жизни съемочной площадки ничего не

Вообще создается впечатление, что роль сценариста писалась специально для Стеблова.

- Евгений Стеблов - мой актер и по предыдущим фильмам. Мы работаем с ним уже в четвертый раз. Героя героического я не приемлю инстинктивно. Герой для меня - это Плотников в «Восхождении» Ларисы Шепитько и он же в моей картине «Дикая охота короля Стаха». Герой не тот, который приходит и всех побеждает. Первоначально должно быть ощущение его слабости. Побеждать и преодолевать он будет потом. Стеблов, мягкий и изящный, с его ампула обманчивой слабости - для меня идеальный герой. В нем есть какая-то

трогательная детскость. Еще Довженко говорил, что мы все время инсценируем воспоминания из детства, а Бергман, по его же словам, вообще остался ребенком, но тщательно это скрывает.

- Как складывались отношения с актерами нового поколения - Николаевым, Бондарчуком, Кортневым?

- Их работу я оцениваю очень высоко. Валерия Николаева вообще-то я сначала видел в другой роли. Когда мы встретились в первый раз, он только приехал чуть ли не из Голливуда, шикарный парень, длинные волосы, мускулы, черная майка, кожаные джинсы... Прочитал сценарий и говорит: «Дорогой, это другой человек, хилый, рефлексивный, страдающий, его никто не понимает, он - в постоянном конфликте с самим собой». Темные очки, кресло, крики «Мотор!», бегающие женщины - это штамп. На самом деле режиссер беспрерывно страдает, его мучает постоянная разница между задуманным и осуществленным. Тогда Николаев стал смотреть, как я себя веду на съемках, изменил облик, мы придумали никакой плащ и очки, бесформенные патлы, небритость непонятно какой давности. Потом он заметил, что я все время хожу с сумкой, где сценарий, блокнот, ручки, и стал носить такую же. Я считаю, что у него есть грандиозные куски в картине. Федор Бондарчук, игравший продюсера, и Алексей Кортнев в роли актера оказались трогательными, талантливыми и разумными людьми. Мне было приятно с ними работать.

- Получается, вы сделали для себя массу открытий. Как обстоят дела с прокатом картины и как вы сами обозначите ее жанр?

- Надеюсь, что вскоре картина выйдет на экраны кинотеатров. Вообще «Кино про кино» - это, наверное, печальная комедия, трагикомедия, притча, мелодрама. Но скорее, как у Чехова, «сцены из уездной жизни». Ведь совершенно неважно, кто эти люди по профессии - кинематографисты или еще кто-то. Это фильм об обычных, милых, добрых людях, которые, однако, живут в пространстве, зоне компромиссов, наивно полагая, что это пока еще не сама жизнь, а ее преддверие, пролог, предисловие, черновик...

